

УДК 316.3 / 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-124-137

КЛИНОВ Анатолий Сергеевич
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
newlegend2010@yandex.ru

Anatoly S. KLINOV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
Newlegend2010@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СОБЫТИЯХ В СИНЬЦЗЯНЕ В
НАЧАЛЕ 1930-Х гг.

TO THE QUESTION OF THE XINJIANG'S EVENTS
IN THE EARLY 1930'S.

В статье анализируется проблема Синьцзяна в первой половине и в середине XX века. Синьцзян представляет собой обширную территорию в Западном Китае. С конца XIX в. Синьцзян был ориентирован в экономическом отношении на Россию. От 60 до 90 % торгового оборота Синьцзяна ориентировалось на Россию и не более 35% - на внутренние районы Китая. Фактически Синьцзян стал нераздельной частью единого экономического организма России. Даже в настоящее время экономика Синьцзяна не может быть стабильной без интенсивных связей с Казахстаном, Западной Сибирью и Уралом. Экономический фактор является основной причиной синьцзянского сепаратизма. Другая причина имеет этнический и религиозный характер. Китайская официальная статистика и право делят граждан Китая на ханьцев (граждане Китая китайской национальности) и национальных меньшинств (граждане Китая не китайской национальности). Большая часть населения Синьцзяна - уйгуры, древняя мусульманская тюркоязычная национальность, близкая узбекам. Уйгуры концентрируются в основном в Южном Синьцзяне (Кашгария). В Синьцзяне проживает много казахов, таджиков и особенно киргизов (тюркоязычные мусульмане). Дунгане (мусульмане, для которых родным языком является китайский) живут в основном в Нинся и Ганьсу (Западный Китай), но имеют сильное традиционное влияние в Синьцзяне (и живут в Северном Синьцзяне). Япония помогала дунганским сепаратистам, а Британская Индия помогала уйгурским сепаратистам (финансы, оружие, активное участие в боевых действиях офицеров, особенно японских, которые фактически командовали дунганскими вооруженными формированиями, и иная помощь). Уйгуры установили свой контроль над Южным Синьцзяном и создали там Восточно-Туркестанскую Республику. Дунгане контролировали Северный Синьцзян (Япония планировала создать в Джунгарии государство в качестве базы против бывшего Советского Союза). Феодализм и исламский фундаментализм стали идеологией сепаратистов (у уйгурских националистов в дополнение к этому тюркизм). Терроризм был одним из основных их методов. Китай не смог подавить восстание в Синьцзяне и обратился к Москве за содействием. Советские войска разгромили армию дунганских повстанцев, уничтожили Восточно-Туркестанскую Республику. Китай и Россия были первыми объектами исламского фундаментализма и терроризма еще в середине XX в.

The article analyses the Xinjiang problem in the first part of the 20th century. Xinjiang is the vast territory in Western China. Since the end of the XIX century Xinjiang was orientated into Russia economically. Xinjiang trade was orientated in Russia from in 60 till 90 % and in China not more than 38%. In fact Xinjiang became an integral part of the Russian united economical structure. Even at present time the economy of Xinjiang cannot be stable without intensive ties with Kazakhstan, Western Siberia and Ural. This economic factor is the main reason of Xinjiang's separatism. Other reasons have ethnical and religious nature. Chinese official statistic and law divide Chinese citizens in Hans (Chinese by nationality and citizens of China) and national minorities (non-Chinese by nationality and citizens of China). Most part of Xinjiang inhabitants are Uygurs, the ancient Moslem Turkish language nationality close to Uzbeks. Uygurs concentrate themselves mainly in the Southern Xinjiang (Kashgaria). There are a lot of Kazakhs, Tajiks and especially Kirgizians (Moslems Turkish language) live in Xinjiang. Dungans (Moslems Chinese language) live mainly in Ninxia and Gansu (West China), but have traditional and strong influence in Xinjiang (and live in the Northern Xinjiang). Japan assisted Dungan's separatists and British India assisted Uygur separatists (finance, arms, active participation of Japans' and Indians' officers in military clashes, especially Japans who commanded Dungan's troops in fact, and other). Uygurs established their control over the Southern Xinjiang and created East-Turkistan Republic. Dungan controlled the Northern Xinjiang (Japan planned to create in Zhungaria a state as a base against the former Soviet Union). Feudalism and the Islamic fundamentalism became the ideology of separatists (Turkism in addition for Uygurs). Terrorism was one of the main their methods. China wasn't able to suppress the rebellion in Xinjiang and applied to Moscow for assistance. Soviet troops broke down Dungan's army and the East-Turkistan Republic. China and Russia were first objects of the Islamic fundamentalism and terrorism in the middle of 20th century.

Ключевые слова: Китай, экономика, единый экономический организм, ядро (сердцевина) единого экономического организма, Синьцзян, уйгуры, дунгане, Восточно-Туркестанская Республика, Япония, Британская Индия, Советский Союз, Гоминьдан, Тянь-Шань, исламский фундаментализм, терроризм, сепаратизм

Keywords: China, economy, united economic structure, the basic territory of the united economic structure, Xinjiang, Uygurs, Dungans, East-Turkistan Republic, Japan, British India, Soviet Union, Kuomintang, Tian Shan, Islamic fundamentalism, terrorism, separatism

Мировая практика показала, что в современных условиях сохранение территориальной целостности и единства страны (включая и Китай) зависит от ряда существенных факторов, которые подразделяются на общие (то есть присущие всем государствам) и специальные (то есть присущие отдельно взятой стране).

К общим факторам относятся следующие: социально-экономический, культурно-этнический, государственное устройство, исторический, военный, внешний, политический и правовой факторы. Применительно к Китаю специальные факторы - это ирригационный земледельческий тип китайского хозяйства в добуржуазную эпоху, требование китайской традиции хранить единство страны, исторически сложившийся характер взаимоотношений между неханьцами (подданными и гражданами Китая некитайской национальности) и Средним государством в прошлом, роль регионов исторического компактного расселения ханьцев (то есть граждан Китая из числа лиц китайской национальности) в сохранении единства Китая.

Для сохранения единства государства основным по своей значимости является социально-экономический фактор, поскольку именно от него зависит функционирование хозяйства страны, обеспечение ее населения жизненно важными благами (включая питание, одежду, жилье), уровень его материального благосостояния, а также необходимый для поддержания жизнедеятельности и поступательного развития государства кадровый потенциал как совокупность необходимого числа специалистов нужной квалификации и образовательного уровня, обладающих требуемыми моральными и политическими качествами.

Сказанное выше не означает того, что на отдельных этапах развития государства и в отдельно взятой конкретной обстановке на первое место может выйти не социально-экономический, а какой-то иной фактор. Но такое положение дел носит временный и локальный характер и в целом не отрицает решающей роли социально-экономического фактора.

В социально-экономическом факторе выделяются две стороны: экономическая и социальная.

Применительно к проблеме сохранения единства страны экономическая сторона выражается в наличии современного хозяйства и существующего на его основе единого экономического организма (или единого хозяйственного комплекса), состоящего из взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга экономических регионов, специализирующихся на выпуске определенных видов продукции. Эти регионы, взаимно дополняя друг друга, составляют единый хозяйственный организм. Неотъемлемой его частью являются также крупные современные предприятия сквозного типа с полным циклом производственного процесса (различные подразделения которых нередко расположены в разных экономических регионах). Это еще больше усиливает хозяйственные связи внутри единого экономического организма. Для составляющих конкретный отдельно взятый единый хозяйственный комплекс экономических регионов характерна гораздо большая хозяйственная ориентация их друг на друга, чем на другие единые экономические организмы.

В едином экономическом организме выделяется его ядро (или сердцевина), представляющая собой ту часть его территории, где производится основная и наиболее значимая доля его продукции, где сосредоточены самые наукоемкие и передовые звенья его промышленности и сельского хозяйства, без которых невозможно само его существование, где находится основная по своей численности и наиболее квалифицированная часть его населения, обеспечивающего жизнедеятельность единого хозяйственного комплекса.

Применительно к проблеме сохранения единства государства социальная сторона социально-экономического фактора выражается в наличии определенного слоя людей, обладающих единым экономическим мышлением. Последнее складывается на территории существования единого хозяйственного комплекса у населения, так или иначе связанного с ним и поддерживающего его деятельность на основе единых производственных нормативов и стандартов, единых методов производства, образовательного процесса и научной деятельности, единого рабочего языка (то есть языка, на котором ведется вся хозяйственная документация, учебный процесс и научная деятельность).

Из населения, живущего на территории функционирования единого хозяйственного комплекса, поддерживающего его деятельность и обладающего единым экономическим мышлением, складывается народ. Что касается нации, то это прежде всего культурно-этническая общность. Ее представители, живя подчас на территориях функционирования различных хозяйственных комплексов, не обладают одинаковым экономическим мышлением, а нередко связывают свои интересы с интересами различных единых экономических организмов и различных государств.

Экономическая и социальная стороны социально-экономического фактора находятся в тесной взаимосвязи и взаимной зависимости друг от друга. Единый хозяйственный комплекс является основой жизнедеятельности живущего на его территории народа. Народ же, обладая единым экономическим мышлением, поддерживает нормальное функционирование и поступательное развитие единого экономического организма, заинтересован в его сохранении, а при необходимости - в его восстановлении или даже в создании.

Единый хозяйственный комплекс в качестве обязательных условий своего функционирования требует наличия во всех районах своего существования единства или близости социально-экономической, гражданско-правовой, уголовно-правовой, финансовой сфер, порядка регулирования труда и предпринимательства, а также свободного перемещения капиталов, товаров, услуг и рабочей силы независимо от того, располагается ли единый экономический организм в пределах одного государства или же охватывает территорию нескольких стран [6, с. 580-581, 584-585].

Важным условием нормального функционирования единого экономического организма является поддержание приблизительно одинакового уровня хозяйственного развития между его регионами и равноправие его жителей. Нарушение этого условия чревато серьезными катаклизмами.

Необходимым условием нормального функционирования единого экономического организма является поддержание его целостности и вытекающее отсюда недопущение раздела на отдельные части территории, на которой находится единый хозяйственный комплекс. Если же такой раздел все же происходит и в результате такового от единого экономического организма отпадают его периферийные районы, то это обстоятельство создает для единого хозяйственного комплекса большие трудности, которые весьма нелегко преодолеть. Если же происходит территориальный раздел ядра единого экономического организма, то дальнейшая деятельность и существование единого хозяйственного комплекса невозможны. В этом случае наступает развал хозяйства - основы существования государства и народа [4, с. 656-657].

Единый экономический организм и поддерживающий его функционирование народ являются основными факторами становления, жизнеспособности и развития современных государств. Наличие единого хозяйственного комплекса настоятельно диктует необходимость формирования государства как важнейшего гаранта, призванного защитить экономику и общество, регулировать их существование и деятельность. Так возникает взаимосвязь и взаимная заинтересованность в поддержании друг друга между государством, с одной стороны, и единым экономическим организмом и живущим на его территории населением, с другой стороны. Способствуя нормальной хозяйственной деятельности, государство вызывает у общества желание в сохранении и укреплении единства страны. Если же государство выполняет негативную для экономики функцию, то это

ведет к отчуждению между ним и обществом, к серьезным негативным последствиям для экономики, что чревато развалом хозяйства и распадом самого государства.

Границы большинства современных государств, обладающих развитым хозяйством, совпадают с границами территорий, на которых функционирует тот или иной единый экономический организм. Следовательно, заинтересованность населения в неделимости своего единого хозяйственного комплекса означает его желание сохранить единство и территориальную целостность своей страны.

Государства, территориальные границы которых примерно совпадают с районом размещения того или иного экономического организма, обычно устойчивы и редко распадаются на части. И наоборот. Вопрос о сохранении единства стран, на территории которых целостный хозяйственный организм не полностью сформировался или вовсе отсутствует, обычно стоит довольно остро.

В Китае же в результате консервативной политики династии Цин к началу XX столетия единый экономический организм этой страны так и не сложился.

Как справедливо отмечал отечественный ученый Б.П. Гуревич, маньчжурская династия совершенно не заботилась как о развитии хозяйства внутренних районов Китая, так и об экономике неханьских земель, вошедших в состав империи Цин. Последние рассматривались обычно лишь как буферные территории или военные форпосты, о хозяйственном благополучии которых не нужно было думать [8, с. 204-205]. Мало того, в новых землях маньчжурские правители проводили политику, направленную на разрушение уже существующего экономического потенциала, чтобы не дать усилиться населяющим их народам и таким путем свести к минимуму возможность всякого антицинского протеста [8, с. 167-168].

К началу XX в. отечественный сектор хозяйства Китая был представлен кустарными предприятиями досовременного типа. Что касается промышленных предприятий, расположенных, как правило, в приморских районах, то они создавались преимущественно иностранным капиталом, интересы которого зачастую расходились с государственными интересами Китая. Поэтому эти предприятия в большинстве своем в технологическом плане ориентировались на зарубежье, а не на внутренние районы Среднего государства. Они не могли стать фактором укрепления его единства.

После падения династии Цин в Китае утвердились различные милитаристские группировки. Затем власть взяла партия Гоминьдан. В хозяйстве страны господствующее положение занимали бюрократический китайский и иностранный капитал, а также феодално-помещичьи круги в ущерб позициям китайской национальной буржуазии. Такое положение дел не способствовало успешному хозяйственному развитию Китая и не привело к складыванию единого экономического организма как комплекса взаимосвязанных между собой экономических регионов.

Этот процесс начался только в 50-е годы XX в., когда к власти пришла КПК, а Центральное правительство КНР взяло под свой контроль всю территорию страны и получило возможность проводить целенаправленную хозяйственную политику, имеющую целью создать в стране высокоразвитую современную экономику. Однако осуществление этого курса было осложнено целым рядом внутренних и внешних обстоятельств. В результате процесс создания единого экономического организма Китая оказался незавершенным.

На протяжении веков Китай настойчиво боролся за овладение землями, входящими ныне в состав Синьцзяна. Такое упорство объясняется большой ролью этого района в жизни Китая. Она обусловлена следующими основными факторами.

Первый. Через территорию Синьцзяна проходят важнейшие коммуникации. В древности здесь пролегал Великий шелковый путь, овладение которым традиционно считалось одной из важнейших задач Среднего государства. Этот тракт не утратил своего значения и по сей день.

Второй фактор касается экономики. Синьцзян исключительно богат полезными ископаемыми. И хотя их разработка началась только после Второй мировой войны [17, с.

732], уже в начале XX в. была очевидна перспективность этой территории для китайской экономики.

Третий фактор. Площадь Синьцзяна составляет более 1/6 части Китая [5, с. 45]. Выход его из состава Китая явился бы весьма ощутимой территориальной потерей для страны. Синьцзян прикрывает с западной стороны не только исторически ханьские районы КНР, но также Внутреннюю Монголию и Тибет. Следует отметить и факт использования малонаселенных районов Южного Синьцзяна в военных целях, в частности для проведения испытаний атомного оружия.

Четвертый фактор. Коренное население Синьцзяна исповедует ислам. От политики Китая здесь в немалой степени зависит его авторитет в мусульманском мире. Особенно это касается тюркоязычных стран и регионов, население которых в этническом и языковом отношении близко коренным жителям Синьцзяна.

В начале XX столетия Синьцзян представлял собой далекую западную окраину Китая с отсталой экономикой докапиталистического типа и сложным комплексом этнических и религиозных противоречий. Территория его делится на две части - южную и северную. Первая исторически именуется Восточным Туркестаном, или Кашгарией, вторая - Джунгарией. Нередко понятие Восточного Туркестана распространяется также и на Джунгарию. Так, например, традиционно поступают сторонники независимости Синьцзяна, именуя весь этот район Восточно-Туркестанской Республикой [3, с. 111]. Вплоть до 60-70-х годов XX в. большая часть земледельческого населения была сконцентрирована в оазисах Южного Синьцзяна. Джунгария, в значительной степени обезлюдившая после уничтожения в середине XVIII в. государства ойратов (сопровождалось геноцидом этого этноса), в цинскую эпоху заселялась монгольскими, маньчжурскими, ханьскими колонистами. В некоторые ее районы (например, Или) была переселена часть мусульманского населения из Кашгарии. До середины 50-х годов XX в. ханьцы составляли 6% численности населения Синьцзяна [11, с. 179-180]. Остальная часть его жителей состояла в основном из представителей тюркских национальностей, близких в этническом, религиозном и культурном отношении коренному населению Средней Азии и Казахстана. Наиболее многочисленной неханьской нацией Синьцзяна являются уйгуры [11, с. 179-180].

Сторонники выхода Синьцзяна из состава Китая традиционно пользовались поддержкой широких слоев коренного населения этого района. Причины этой поддержки следующие.

Первая. Незавершенность процессов модернизации хозяйства Синьцзяна и его вовлечения в формирующийся единый экономический организм Китая очевидна и в настоящее время, в первой половине XX в. Синьцзян экономически был очень слабо связан с внутренними районами Китая без всякого намека на его интегрированность в хозяйство этой страны.

Вторая. Активное противодействие коренного населения Синьцзяна вызывала ханьская колонизация, которая, впрочем, до середины XX столетия имела весьма ограниченные масштабы.

Третья. Территория Джунгарии и Восточного Туркестана была включена в состав Цинской империи силой. Это обстоятельство, а также подавление китайскими войсками многочисленных выступлений коренного населения не способствовали его сближению с Китаем.

Четвертая. Во внутренние дела Синьцзяна на стороне борцов за его независимость нередко вмешивались зарубежные силы. Применительно к рассматриваемому периоду это были Япония, Великобритания и СССР (Советский Союз и Россия традиционно поддерживали власть Китая в Синьцзяне и при необходимости решительно, вплоть до боевых действий российских вооруженных сил против постанцев, содействовали китайцам в подавлении синьцзянских сепаратистов).

В конце XIX - начале XX в. в Синьцзян активно проникает российский и британский капитал. Первый укрепился в Джунгарии и отчасти в Кашгарии. Второй оспаривал российское влияние в Кашгарии.

Особенностью экономического проникновения Великобритании в Синьцзян было то, что она опиралась в большей степени на хозяйственный потенциал Британской Индии, чем самой метрополии (Великобритании). Поэтому Великобритания проигрывала России в экономическом соревновании в Синьцзяне. Российские товары были дешевле и качественнее индийских [12, с. 56]. Нужно иметь в виду также и то, что с географической точки зрения Синьцзян «был более доступен со стороны среднеазиатских владений России» [14, с. 28-29]. Это также способствовало упрочению российских позиций в Синьцзяне в ущерб британским [14, с. 28-29].

В политическом отношении дело обстояло несколько иначе. Если в северной части провинции среди чиновников и населения преобладала пророссийская ориентация, то в Кашгарии преобладание России в политическом отношении настойчиво оспаривала Великобритания. В результате не только многие феодалы, но и китайская администрация в Южном Синьцзяне зачастую держали сторону англичан, недоброжелательно относясь к России [15, л. 20].

Япония не имела практически никаких позиций в экономике Синьцзяна. Но данный фактор несколько не смущал Токио, который, пользуясь ослаблением России в период Гражданской войны 1918-1920 гг., попытался создать полосу земель, в которых правили бы зависимые от нее политические лидеры. Сюда предполагалось включить Маньчжурию, Монголию и Джунгарию (то есть районы с традиционным российским влиянием).

Весной 1919 г. в Синьцзян была послана официальная японская исследовательская миссия, состоящая из 12 офицеров Генерального штаба Японии [16, с. 125]. За два года своей деятельности они объездили всю провинцию, собрав ценную и разностороннюю информацию [16, с. 125].

Японские официальные представители предложили тогдашнему генерал-губернатору Синьцзяна ханьцу Ян Цзэнсиню разместить в пограничных с Россией районах Синьцзяна японскую дивизию, мотивируя это необходимостью защиты от угрозы вторжения в провинцию российских красных [18, с. 39]. Восприняв это предложение как намерение Японии сделать Синьцзян подконтрольной ей территорией, Ян Цзэнсинь дал категорический отказ этому предложению и приказал своим подчиненным ни в коем случае не соглашаться на уговоры японцев [18, с. 39].

20-е годы XX в. прошли под знаком стабилизации внутреннего положения Синьцзяна и дальнейшего развития хозяйственных связей провинции с Советской Россией и СССР. Однако начало 30-х годов XX в. ознаменовалось новой сильной вспышкой центральных тенденций в провинции.

В это время в Синьцзяне имела место острая борьба за власть. При Цзинь Шужэне, ставшем губернатором Синьцзяна вскоре после убийства в 1928 г. Ян Цзэнсиня, резко возросли коррупция и злоупотребления, активизировалась ханьская колонизация. Это привело к восстанию уйгуров в Хами во главе с Ходжаниязом. Хотя Цзинь Шужэню не удалось сразу подавить это восстание, повстанцы, не чувствуя себя достаточно сильными, пригласили себе в помощь дунганского генерала Ма Чжунъина из провинции Ганьсу со своими войсками.

Нужно отметить, что Ганьсу, где дунгане составляют значительную часть населения, являлась одним из традиционных очагов антиправительственных выступлений в Китае. Дунганские феодально-религиозные круги чувствовали себя ущемленными контролем со стороны Центрального правительства Китая и ханьских генералов-милитаристов. Стремясь безраздельно править в провинции, они часто поддерживали антиханьские действия мусульман. Так было, например, в ходе восстания дунган в 1928 г., которое было подавлено ханьскими генералами с «невероятными жестокостями» [10, л. 23].

В 1931 г. Ма Чжунъин прибыл в Хами и совместно с повстанцами овладел хамийской цитаделью. Цзинь Шужэнь начал переговоры с Ма Чжунъином, одновременно готовясь к подавлению восстания [18, с. 131]. В это время усиливаются разногласия между Ма Чжунъином и одним из повстанческих лидеров Данияром. Этим объясняется пассивность Ма Чжунъина в ведении боевых действий, когда войска Цзинь Шужэня вновь начали по-

давление восстания. В 1932 г. контроль генерал-губернатора Синьцзяна в Хами был восстановлен. Ма Чжунъин ушел на восток, а Данияр вынужден был отступить сначала к синьцзяно-монгольской границе, а затем в Монгольскую Народную Республику [18, с. 133-134].

Второй этап восстания в Синьцзяне начался осенью 1932 г. в Турфане, где находился глава мусульманского духовного училища Аглям Ахун, имевший большой авторитет среди уйгурского населения. Он, а также ряд других политических деятелей из числа уйгурских и дунганских верхов составили руководство восстанием в северной части провинции.

Особенностями второго этапа восстания были повышение уровня организации повстанцев, усиление среди них центробежных настроений, а также активное вмешательство в синьцзянские события СССР, Японии и Великобритании.

Оккупировав Маньчжурию и основав там полностью зависимое от нее государство Маньчжоу-Го, Япония попыталась сделать нечто подобное и в Центральной Азии. В этой связи далеко не последнее место отводилось Синьцзяну как плацдарму против Британской Индии и СССР [1, с. 17].

Японское правительство создало «Общество мусульман Дальнего Востока», поддерживало тюркистские настроения среди уйгурских феодальных верхов. Однако среди них были сильны также и проанглийские настроения. Поэтому в этом отношении Япония не могла полностью полагаться на националистов из среды тюркоязычных народов Синьцзяна. Исходя из сказанного, правящие круги Японии решили делать ставку на молодого дунганского генерала Ма Чжунъина, послав в его войска своих советников и инструкторов [1, с. 18]. Ма Чжунъин должен был установить контроль над всем Синьцзяном.

Поддерживаемые Японией, лидеры повстанцев Северного Синьцзяна провозгласили лозунги создания независимого мусульманского государства, которое должно было включить в свой состав Синьцзян и Ганьсу [1, с. 20]. Армия восставших взяла Кучу и Аксу, однако атака Урумчи, предпринятая 22-23 февраля 1933 г., была отбита. Эта неудача во многом объясняется разногласиями среди дунган и уйгуров [1, с. 21].

Несмотря на это, Ма Чжунъин решил продолжать наступление. Одна часть его армии должна была продвинуться в Южный Синьцзян, а другая - в район Алтая. Такие действия полностью отвечали интересам Японии. В случае проникновения дунганских войск в Кашгарию она рассчитывала вытеснить отсюда Великобританию и утвердить в этом районе свое собственное влияние. Проникновение войск Ма Чжунъина в Алтайский округ, находящийся на стыке СССР и Внешней Монголии (так в Китае именуется Монгольская Народная Республика; Внутренняя Монголия находится в составе Китая), позволяло Японии поставить под угрозу Туркестано-Сибирскую железнодорожную магистраль и рудники Кузнецкого бассейна [1, с. 24].

Одновременно с продвижением на Кашгар дунганской группировки в Хотане и Яркенде (это основные города южной части Синьцзяна) начались восстания, поднятые представителями тюркоязычных (преимущественно уйгурских) феодалов, ориентированных на Великобританию и получающих всестороннюю помощь из Индии. Идейное руководство восстанием здесь осуществляло мусульманское духовенство, а реальной военной силой обладали полевые командиры отрядов тюркистской ориентации, многие из которых ранее приобрели богатый боевой опыт в боях с красными на территории советской Средней Азии.

Овладев Хотаном и Яркендом, уйгурская повстанческая группировка вплотную подошла к Кашгару. С северной стороны продолжали наступление дунганские войска. 8 марта 1933 г. они овладели Аксу. «Везде наступление повстанцев сопровождалось грабежами и массовыми убийствами. Все китайцы [то есть ханьцы], независимо от их общественного положения, в том числе женщины и дети, вырезались» [1, с. 21].

Китайское руководство Кашгара во главе с Ма Шаоу пыталось договориться с вождями повстанцев и одновременно мобилизовало киргизов для защиты города. Переговоры ни к чему не привели, а киргизы перешли на сторону восставших. 10 мая 1933 г. Кашгар пал. Сразу после этого вспыхнула вооруженная борьба за власть между лидерами

уйгуров и дунган. Конфликт удалось погасить. Стороны решили разделить между собой все ключевые посты, а также назначить в Кашгар двух губернаторов, один из которых должен быть дунганином, а другой - уйгуром.

События в Синьцзяне вызвали сильное беспокойство СССР, который опасался установления там японского или британского влияния. Одной из основных целей политики Советского Союза в Китае была всемерная поддержка революционного движения в этой стране. В лице своего южного соседа СССР видел единственного союзника в противодействии японской экспансии. Кроме того, выход Синьцзяна из состава Китая в той обстановке означал бы утверждение там лояльных Японии и Великобритании и враждебных СССР политических сил, в чем Москва видела угрозу для себя в Средней Азии, Казахстане и Южной Сибири. В силу вышеизложенных обстоятельств Советский Союз желал сохранения единства Китая и был противником независимости Синьцзяна.

Одновременно Москва хотела эффективно влиять на положение дел в этой провинции [18, с. 191]. Важной отличительной чертой политики СССР в Синьцзяне было желание Советского Союза не только торговать с провинцией, но и развивать ее экономику для того, чтобы постепенно заложить основы современных отраслей хозяйства и таким путем в конце концов преодолеть отсталость Синьцзяна.

К этому Советский Союз побуждали его экономические и политические интересы в Синьцзяне. Об этом в справке, подготовленной начальником IV Управления штаба РККА Я.К. Берзиным для заместителя наркома по иностранным делам СССР говорилось, в частности, следующее: «Синьцзян является серьезной сырьевой базой для нашей промышленности. По торговле с нами Синьцзян в ряду восточных стран стоит на третьем месте (после Персии и Монголии), а по качественному строению его с нами экспорта (нужное нам сырье) - на первом. Роль Синьцзяна как сырьевой базы для нашей текстильной промышленности и тыла, для наших скотоводческих, хлопковых и индустриальных баз в Средней Азии и Казахстане, особенно возрастает в случае обострения нашего международного положения и военных осложнений» [цит. по: 2, с. 41-42].

Основными экспортными товарами, поставляемыми из Синьцзяна в СССР, были овечья шерсть, хлопок, кожа, сырьевые материалы, домашний скот [20, с. 48-49]. Из СССР в Синьцзян в первую очередь поставлялись сахар, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, бумага, спички, керосин и бензин, машины и запасные части к ним [20, с. 48]. Синьцзяно-советская торговля была выгодна обеим сторонам, а не только Советскому Союзу [20, с. 48]. Именно из СССР Синьцзян в первую очередь получал современную промышленную продукцию [20, с. 43]. Советский рынок стал для синьцзянских деловых кругов своеобразным окном в развитые страны мира, прежде всего в Западную Европу. Благодаря экономическим связям с Советским Союзом в Синьцзяне поддерживалась деловая активность многих фирм, были сделаны первые шаги по пути формирования социальных слоев, характерных не для феодального, а для современного общества [20, с. 45]. Синьцзяно-советские хозяйственные связи стали еще и важнейшим фактором социальной стабильности в этой провинции [20, с. 49-50], которая в экономическом отношении была связана с Советским Союзом гораздо сильнее, чем не только с любой другой страной, но также и по сравнению с иными регионами Китая. Например, в 1927-1928 гг. 60% всего экспорта Синьцзяна приходилось на СССР, приблизительно 38,5% - на различные территории Китая, 1,2% - на Британскую Индию, 0,2% - на Афганистан [19, с. 8-9].

Все изложенное выше свидетельствует об имевшем место в 20-30-е годы XX в. (а также и в последующее время) интенсивном процессе вхождения хозяйства Синьцзяна в единый экономический организм бывшего СССР. Для того чтобы он увенчался успехом, необходима была модернизация хозяйства Синьцзяна и социальной структуры его общества. Политика СССР способствовала этому. Так, например, если из царской России в Синьцзян в основном поступала продукция, предназначенная для непосредственного потребления, то Советский Союз старался увеличить поставки тех товаров, которые могли бы оживить отсталую экономику Синьцзяна, способствовать зарождению там новых современных отраслей хозяйства [18, с. 158; 20, с. 49].

СССР также рассчитывал и на то, что в ходе экономического развития произойдет зарождение в Синьцзяне рабочего класса и других социальных слоев, связанных с современным производством, которым будут чужды феодализм и милитаризм и которые станут основной опорой будущих демократических преобразований и стабильности в провинции [18, с. 158]. Этим политика Советского Союза коренным образом отличалась от политики Великобритании и Японии, которые опирались на феодально-теократические и милитаристские круги Синьцзяна, стремящиеся сохранить старый строй в провинции.

Позиция СССР стала основной причиной противоречий между Советским Союзом и Цзинь Шужэнем. Этот генерал-губернатор заботился в первую очередь о приумножении собственного капитала за счет подконтрольной ему провинции, что приводило к разорению населения Синьцзяна и дестабилизировало обстановку в нем. Цзинь Шужэнь делал ставку преимущественно на жестокое вооруженное подавление недовольных, для чего стремился закупать оружие за рубежом [18, с. 158]. Это в корне противоречило позиции СССР, который всячески старался отказать генерал-губернатору в чрезмерных военных поставках и пытался побудить его проявить хоть какую-то заботу о населении Синьцзяна, о развитии хозяйства провинции и о решении на этой основе накопившихся там проблем [18, с. 158]. Видя негативную реакцию Цзинь Шужэня, Советский Союз решил сделать ставку на другого политического деятеля.

В этом отношении события начала 30-х годов XX в. дали СССР богатый выбор. Во-первых, в армии Ма Чжунъина было немало людей, склонных пойти на сотрудничество с Советским Союзом [18, с. 190]. Сам Ма Чжунъин, опираясь на японцев, в то же время несколько раз пытался заручиться благосклонным к себе отношением со стороны официальных советских представителей в Синьцзяне, заверяя последних в своих дружеских чувствах к ним и к СССР [18, с. 190].

Однако советский выбор пал на генерала Шэн Шицая, выходца из внутренних областей Китая. На это был целый ряд причин.

Во-первых, Шэн Шицай был сторонником единства Китая, пользовался поддержкой гоминьдановского правительства, которое впоследствии утвердило его генерал-губернатором Синьцзяна [18, с. 191-192]. Этого нельзя было сказать о других политических деятелях Синьцзяна.

Во-вторых, другие наиболее значимые политические деятели Синьцзяна являлись ставленниками Японии или Англии или же были склонны при определенных обстоятельствах сменить советскую ориентацию на британскую или японскую. Даже Данияр, находившийся в МНР, не прочь был связаться с Японией [18, с. 191]. Что касается Шэн Шицая, то он воевал с японскими войсками в Маньчжурии в 1931-1932 гг. (в эти годы Япония оккупировала Маньчжурию и впоследствии учредила там государство Маньчжоу-Го), а затем, потерпев поражение, отступил на территорию СССР. Возможность его альянса с Японией практически исключалась.

В-третьих, Шэн Шицай открыто выражал свои антиимпериалистические взгляды и готовность способствовать демократическим преобразованиям в Синьцзяне, развивать экономику провинции [18, с. 191-192]. Приходу к власти Шэн Шицая способствовал также рост недовольства Цзинь Шужэнем среди китайских чиновников, осознавших необходимость стабилизации внутреннего положения в провинции. Среди них возник заговор. Его участникам удалось привлечь на свою сторону командиров отрядов, состоявших из бывших российских белогвардейцев, осевших в Синьцзяне и служивших его властям. Эти отряды были наиболее боеспособной частью войск Цзинь Шужэня.

В результате переворота 12 апреля 1933 г. Цзинь Шужэнь был отстранен от власти. Власть взял в свои руки Шэн Шицай, который 14 апреля 1933 г. огласил политическую платформу нового правительства. Она провозглашала равенство всех национальностей, демократические свободы, а также программу активного хозяйственного развития Синьцзяна. Новое правительство вступило в переговоры с верхами неханьского населения, пригласив их на заседание временного комитета, являвшегося руководящим органом группировки, пришедшей к власти в результате переворота 12 апреля 1933 г.

Шэн Шицай понимал, что вышедшие из среды феодалов повстанческие лидеры используют в своих интересах недовольство народа старыми порядками. Как справедливо полагают китайские ученые, именно осознание им этого обстоятельства, а также непрочность собственного положения заставили генерала с целью завоевания популярности в массах объявить «об установлении национального равноправия, предоставлении населению свободы слова, печати, собраний, вероисповедания» [13, с. 257]. Эти уступки, а также подкуп ряда видных повстанческих руководителей принесли свои плоды. В ходе борьбы Шэн Шицай со своими противниками ему удалось добиться отхода от них некоторых казахских, уйгурских и монгольских вожаков. Некоторые из них даже оказали поддержку Шэн Шицаю.

Наряду с этим предпринимались меры для укрепления вооруженных сил нового правительства. Их основу составляли войска Шэн Шицай, с которыми он после оккупации Японией Северо-Восточного Китая перешел из Дунбэя (так предпочитают в Китае именовать Маньчжурию) на территорию СССР, а также отряды бывших российских белогвардейцев, к 30-м годам XX в. уже испытавшим на себе сильное советское влияние [18, с. 216].

Однако положение нового синьцзянского руководства оставалось тяжелым. Его противники контролировали почти всю провинцию. Территория к северу, югу и востоку от Урумчи находилась во власти Ма Чжунъина. В Кашгарии также были его войска, делившие здесь власть с уйгурскими повстанцами.

В середине июня 1933 г. Ма Чжунъин вновь попытался овладеть Урумчи. Однако предпринятое им 13-14 июня наступление на город было отбито. При этом армия Ма Чжунъина понесла тяжелые потери [1, с. 24-25].

Ма Чжунъин вынужден был начать переговоры с новым правительством Синьцзяна. Готовясь к продолжению вооруженной борьбы [1, с. 25], тем не менее Шэн Шицай считал возможным договориться с Ма Чжунъином и предложил ему должность наместника в Хами. Но тот, вдохновляемый Японией, решил попытаться еще раз овладеть всей провинцией.

На этот раз Ма Чжунъин основные усилия сосредоточил на установлении своего контроля в Алтае. Часть феодалов этого малонаселенного района примкнула к Ма Чжунъину, другие сохранили нейтралитет, не желая участвовать в конфликте. Тогда Ма Чжунъин двинул в Алтай свои войска, которые установили контроль над основными городами этого округа.

Тем временем представитель Ма Чжунъина в Кашгаре Ма Цзихоу, видя серьезные противоречия между лидерами уйгурской повстанческой группировки, попытался создать здесь правительство исключительно из дунган. Однако из-за малочисленности дунган в Южном Синьцзяне выполнение этой задачи оказалось не под силу. Несмотря на острое соперничество между собой, полевые командиры уйгурской группировки нашли в себе силы сплотиться и потеснить дунган в Кашгарии. В Южном Синьцзяне было создано новое правительство, которое в основном опиралось на хотанскую группировку повстанцев, а также на полевых командиров тюркистской ориентации [1, с. 26].

Крупной вехой в развитии восстания в Синьцзяне стало провозглашение в Кашгарии 12 ноября 1933 г. Восточно-Туркестанской Республики [9, с. 85]. Инициаторами создания Восточно-Туркестанской Республики (ВТР) стали феодально-религиозные круги уйгуров во главе с Мухаммадом Имином и Сабитом Дамоллой. Президентом ВТР провозгласили Ходжанияза, имевшего большой авторитет среди уйгуров. Реальная же власть сосредоточилась в руках Сабита Дамоллы, ориентировавшегося на Великобританию и занявшего пост премьер-министра ВТР. Важную роль в жизни ВТР играли полевые командиры.

ВТР была создана как независимая республика, вся жизнь которой строилась на основе ислама. Защита основных ценностей мусульманской веры провозглашалась в качестве одной из наиболее приоритетных ее задач [18, с. 228]. Социальной опорой республики стали крупные уйгурские торговцы, феодалы, а также высшее мусульманское духовенство Южного Синьцзяна. Их представители заняли руководящие посты ВТР. Проведение

ние каких-либо социальных преобразований не предусматривалось. Кроме того, лидеров ВТР отличал сильный национализм и тюркизм.

Все эти факторы привели к внутреннему ослаблению Восточно-Туркестанской Республики, не способствуя мобилизации широких крестьянских масс на ее защиту.

Армия ВТР, по существу, состояла из различных отрядов, подчинявшихся в первую очередь своим полевым командирам, а уже затем правительству этого государственного образования. Между полевыми командирами и руководством ВТР существовали сильные трения. Так, например, один из командиров Усман Али наотрез отказался подчинить свои отряды непосредственно премьер-министру Сабиту Дамолле, что явилось прямым вызовом правительству ВТР [18, с. 229].

В своей деятельности ВТР опиралась на весьма ощутимую косвенную английскую поддержку. Из Британской Индии повстанцы получали крупные партии оружия. Однако оказывать прямую помощь повстанцам Великобритании не могла, предпочитая действовать через частных торговцев из Британской Индии и воздержавшись от официального дипломатического признания повстанческого государства. Англия не хотела портить свои отношения с Китаем из-за сторонников независимости Синьцзяна. Лидеры ВТР пытались договориться и с японскими представителями о помощи. Но Япония, зная их про-британские настроения, предпочла воздержаться от чрезмерного сближения с Восточно-Туркестанской Республикой.

Неудача в борьбе против уйгурских повстанцев за монопольную власть над Кашгарией не обескуражила Ма Чжунъина. Утвердившись на Алтае и вступив в соглашение с видным синьцзянским военачальником Чжан Пэйюанем, осенью 1933 г. он вновь атаковал Урумчи. Стало очевидно, что собственными силами Шэн Шицаю не справиться с восстанием в Синьцзяне. Тогда в дело вступили части регулярной армии СССР.

В ноябре 1933 г. в районе Бахты 13-й Алма-Атинский полк ВВ НКВД пересек китайскую границу и вскоре вступил в бой с армией Ма Чжунъина. Предварительно советские военнослужащие сдали свои личные документы и переоделись в гражданскую одежду [7, с. 79].

Им объявили, что теперь они будут именоваться Особой частью Алтайской добровольческой армии. В таком духе пропаганда Шэн Шицаю объясняла населению провинции появление советских войск. Утверждалось, что это российские поселенцы, живущие на Алтае и решившие с оружием в руках поддержать новое правительство в Урумчи, а также отступившие в Синьцзян во время Гражданской войны 1918-1920 гг. в России российские белые. Однако население Синьцзяна прекрасно понимало, что это за войска и откуда они прибыли [18, с. 218].

Как вспоминает участник этих событий Я.И. Гриценко, основной целью красноармейцев было оказание помощи Урумчи, который штурмовали мятежники [9, с. 80]. Сначала советские войска встречали слабое сопротивление отрядов Ма Чжунъина, потому что основные силы его 13-тысячной армии были сконцентрированы под Урумчи [7, с. 79-80].

Чтобы обезопасить свой фланг перед тем, как двигаться на помощь этому городу, командование советских войск решило разбить мятежников в округе Или, который контролировался генералом Чжан Пэйюанем, союзником Ма Чжунъина. Тот оказал упорное сопротивление так называемой Алтайской армии, и бои там приняли затяжной и упорный характер. Гибель Чжан Пэйюаня, казалось, должна была положить конец сопротивлению мятежников, но их возглавили военачальники этого генерала, и борьба разгорелась с новой силой [18, с. 219]. Только после получения подкрепления советские войска смогли окончательно сломить сопротивление в Или [7, с. 81]. 20 января 1934 г. Шэн Шицаю назначил сюда своего заместителя [18, с. 219]. Большое влияние на исход боев в Или оказала несогласованность действий между Чжан Пэйюанем и Ма Чжунъином. Последний, зная о том, что Чжан Пэйюань намеревается сам овладеть провинциальным центром и подчинить весь Синьцзян исключительно лишь себе, стремился скорее взять Урумчи до подхода советских войск и не оказал помощи своему союзнику в период решающих боев в Или [18, с. 219].

Не считаясь с потерями, Ма Чжунъин продолжал наступление на Урумчи. 12-13 января 1934 г. его войскам удалось прорваться на городской аэродром и предместья Урумчи [18, с. 220]. Положение спасли советские войска, подоспевшие к провинциальному центру в начале февраля 1934 г. [18, с. 220]. Армия Ма Чжунъина отступила к югу.

Далее путь преграждали укрепления, возведенные в горах Тянь-Шаня под японским руководством по последнему слову тогдашней техники [7, с. 82]. Около месяца пришлось потратить советским войскам, готовясь к их прорыву [7, с. 82]. Однако армия Ма Чжунъина, понесшая большие потери под Урумчи и предавшаяся унынию, без боя оставила эти хорошо подготовленные позиции [7, с. 82]. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, советские войска приступили к немедленному преследованию мятежников, отступавших к Кашгару, и постепенно заняли Турфан, Аксу и другие местности Синьцзяна [7, с. 82]. Затем после небольшого боя под Кашгаром Ма Чжунъин потерпел окончательное поражение и в апреле 1934 г. бежал на территорию СССР [7, с. 82-83].

Перед этим в марте 1934 г. он предпринял еще одну попытку спасти положение. Генерал направил в Нанкин письмо, в котором сообщал, что он защищает границу Китая от вторгшихся в Синьцзян советских войск и от ставленника коммунистов Шэн Шицая [18, с. 221]. Ма Чжунъин просил Центральное правительство Китая оказать соответствующее воздействие на Советский Союз [18, с. 221]. Но гомиьндановское руководство решило продолжать поддержку Шэн Шицаю, имевшего репутацию сторонника единства Китая и убежденного противника Японии.

Ввод советских войск в Синьцзян решающим образом повлиял на исход событий в этой провинции в пользу Шэн Шицая, дав ему возможность разгромить Ма Чжунъина и Чжан Пэйюаня [18, с. 219-220], а также летом-осенью 1934 г. ликвидировать Восточно-Туркестанскую Республику [3, с. 111; 18, с. 222]. Правительство ВТР, покинув пределы Синьцзяна, в конце концов осело в Турции. Большую роль в победе генерала Шэн Шицая сыграли острые противоречия между уйгурскими и дунганскими повстанцами. В силу этого обстоятельства уйгуры подчас с оружием в руках выступали на стороне Шэн Шицая против дунган.

Нужно отметить, что уже после установления контроля Шэн Шицая над Кашгарией руководители Восточно-Туркестанской Республики не раз пытались продолжить вооруженную борьбу. По свидетельству китайских источников, в конце 1934 г. крупные отряды восточнотуркестанских полевых командиров дважды проникали в Синьцзян из Индии [18, с. 232]. В марте 1935 г. деятели ВТР просили Великобританию и Японию помочь им продолжить борьбу за независимость Восточного Туркестана [18, с. 231-232]. Но эти державы воздержались делать это, считая, что в сложившихся условиях подобная деятельность малоперспективна.

Таким образом, слабость хозяйственных связей между Синьцзяном и внутренними районами Китая в сочетании с вовлеченностью этой провинции в единый экономический организм Советского Союза, ханьская колонизация этой западной окраины Китая и ориентация китайских властей не на разрешение назревших социальных проблем в провинции, а на силовое подавление недовольства его коренного населения стали основными причинами событий, имевших место в Синьцзяне в начале 30-х годов XX в. Политика иностранных государств играла хотя и важную, но не основную роль.

События начала 30-х годов XX в. показали, что СССР обладал в Синьцзяне более прочными позициями по сравнению с другими государствами, а советские лидеры лучше знали тамошнюю обстановку, чем их зарубежные оппоненты, имели поддержку среди различных социальных слоев и национально-этнических групп, населяющих провинцию, проводили достаточно продуманную, последовательную и гибкую политику, ловко достигая желаемого результата.

Имея реальные возможности для отделения Синьцзяна от Китая с последующим присоединением этой территории к своим владениям, Советский Союз выступал за восстановление и сохранение власти Китая над Синьцзяном и способствовал модернизации этого региона, что отвечало интересам как Китайского государства, так и многонационального населения Синьцзяна.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Азизов. События в Синьцзяне // На зарубежном Востоке. - 1933. - № 5. - С. 16-29.
2. Бармин В.А. Сотрудничество Советского Союза с китайской провинцией Синьцзян в 1934-1941 гг. // Вторые востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. Тезисы докладов и сообщений. - Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 1998. - С. 41-44.
3. Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911-1949). - М.: Наука, 1984. - 264 с.
4. Бунакова Т.М., Родионова И.А. Экономическая география: Учеб.-справ. пос. - М.: Московский лицей, 1999. - 672 с.
5. Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. - М.: Политиздат, 1975. - 128 с.
6. Вольф М.Б., Клупт В.С. Статистический справочник по экономической географии стран капиталистического мира. - 4-е изд., перераб. - М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. - 664 с.
7. Гриценко Я.И. Что это было? (к событиям в Синьцзяне в 1933-1934 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. - 1990. - № 5. - С. 79-84.
8. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII - первой половине XIX в. - Изд. 2-е, доп. - М.: Наука, 1983. - 312 с.
9. Гуревич Б.П. Что было - то было // Проблемы Дальнего Востока. - 1990. - № 5. - С. 84-85.
10. Дунганское восстание в Ганьсу // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.62. Оп.2. Д.1805. Л.23-24.
11. Калмыкова В.П., Овдиенко И.Х. Северо-Западный Китай: Географический очерк. - М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. - 192 с.
12. Куропаткин А.Н. Кашгария: Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. - СПб.: Императорское Русское географическое общество, 1879. - 435 с.
13. Очерки истории Китая в новейшее время. - М.: Издательство восточной литературы, 1959. - 696 с.
14. Ростовский С. Царская Россия и Синьцзян в XIX-XX веках // Историк-марксист. - 1936. - Кн. 3 (55). - С. 26-53.
15. Секретно. Краткий очерк Памира (на основании сведений по состоянию на 15.10.1901) // Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА). Ф.447. Д.67. Л.7-36.
16. Etherton P.T. In the Heart of Asia. London: Constable and Company Ltd, 1925. 305 p.
17. The Guide to the Development of Western China. - Beijing; Hong Kong: China Science and Technology Press, 1988. - 760 p.
18. 包尔汉. 新疆五十年. 北京: 文史资料出版社, 1984年. 379页. Bao Er Han. Xin jiang wu shi nian. Bei jing: Wen shi zi liao chu ban she, 1984 nian. 379 ye. Бурхан Шахиди. Синьцзян за пятьдесят лет. - Пекин: Издательство материалов по культуре и истории, 1984. - 379 с. (на кит. яз.).
19. 金童. 新疆与苏俄贸易关系的现状 // 西北评论. 1934年. 第1卷. 第10-11期. 页7—17. Jin Tong. Xin jiang yu Su E mao yi guan xi de xian zhuang // Xi Bei ping lun. 1934 nian. Di 1 juan. Di 10-11 qi. Di 7-17 ye. Цинь Тун. Современное положение в торговых отношениях Синьцзяна и Советской России // Обсуждение и оценки Северо-Запада. - 1934. - Т. 1. - № 10-11. - С. 7-17 (на кит. яз.).
20. 慕宁. 苏联与新疆省的商业关系 // 新亚细亚. 1933年. 第6卷. 第5期. 页41—50. Mu Ning. Su lian yu Xin jiang sheng de shang ye guan xi // Xin Ya xi ya. 1933 nian. Di 6 juan. Di 5 qi. Di 41-50 ye. Му Нин. Торговые отношения Советского Союза и провинции Синьцзян // Новая Азия. - 1933. - Т. 6. - № 5. - С. 41-50 (на кит. яз.).

REFERENCES

1. Azizov. Sobitnia v Xingkiang. [Events in Singkiang]. Na zarubeznom Vostoke. 1933. №5. S. 16-29 (in Russ.).
2. Barmin V.A. Sotrudnichestvo Sovetskogo Souza s kitaiskoi provisiei Xingtian v 1934-1941 gg. [Cooperation between the Soviet Union and the Chinese province Xingkiang in 1934-1941]. Vtorie vostokovednie chtenia pamiati S.G. Livshitzia. Tezisi dokladov i soobtsenii. Barnaul: Izdatelstvo Altaiskogo universiteta, 1988. pp. 41-44 (in Russ.).
3. Bogoslovski V.A., Moskaev A.A. Nationalni vopros v Kitae (1911-1949) [National Question in China (1911-1949)]. M.: Nauka, 1984. 264 p. (in Russ.).

4. Bunakova T.M., Rodonova I.A. Ekonomicheskaya geographia: Uchebno-spravochnoe posobie. [The Economic Geography]. Moskva: Moskovski lizei, 1999. 762 p. (in Russ.).
5. Velikoderzavnaya politika maoistov v nacionalnih raionah KNR. [Gratpower's policy of maoists in the nationak regions of CPR]. M.: Politizdat, 1975. 128 p. (in Russ.).
6. Wolf M.B., Klupt W.S. Statisticheskii spravochnik po ekonomicheskoi geographii stran kapitalisticheskogo mira. [Statistical Reference Book Concerning Geography of the Capitalist Countries' World]. 4-e izdanie, pererabotannoe. M.: Izdatelstvo sozialno-ekonomicheskoi literaturi, 1959. 664p. (in Russ.).
7. Gricenko Y.I. Chto eto bilo? (k sobitiam v Sinziane v 1933-1934). [What was it? (concerning to events in Xingkiang in 1933-1934)]. Problemi Dalnego Vostoka. 1990. №5. pp. 79-84 (in Russ.).
8. Gurevich B.P. Mezhdunarodnie otnoshenia v Zentralnoi Azii v XVII - pervoi polovine XIX v. [International Relations in Central Asia in XVII - the first par of XIX century]. Izd. 2-e, dop. M.: Nauka, 1983. 312 p. (in Russ.).
9. Gurevich B.P. Chto bilo - to bilo. [those what happened - that took place]. Problemi Dalnego Vostoka. 1990. №5. pp. 84-85 (in Russ.).
10. Dunganskoe vosstanie v Gansu. [Dungan uprising in Gansu]. RGASPI. Fond № 62. Opis № 2. Delo № 1805. L. 23-24 (in Russ.).
11. Kalmikova V.P., Ovdienko I.H. Severo-Zapadni Kitai: Geographicheskii ocherk. [North-West China: Geographical Essay]. M.: Gosudarstvennoe izdatelstvo geographicheskoi literaturi, 1957. 192 p. (in Russ.).
12. Kuropatkin A.N. Kashgaria: Istiriko-geographicheskii ocherk strani. Ee voennii sili, promishlennost i tiorgovlia. [Kashgaria: Historical-geography's essay of country, it's military forces, industry and trade]. Sankt-Petersburg: Imperatorskoe Russkoe Geographicheskoe obtchestvo, 1879. 435 p. (in Russ.).
13. Ocherki istorii Kitaya v noveishee vremia. [Chinese modern History's Essays]. M.: Izdatelstvo vostochnoi literaturi, 1959. 696 p. (in Russ.).
14. Rostovski S. Zarskaya Rossia i Xingzian v XIX-XX vekah. [Czarist Russia and Xingkiang in XIX-XX ages]. Istorik-marksist. 1936. Kniga 3 (55). pp. 26-33. (in Russ.).
15. Sekretno. Kratkii ocherk Pamira (na osnovanii svedenii po sostoyaniu na 15.10.1901). [Confidentially. Short essay of Pamir (on the base of the information 1901.10.15)]. ZGVIA. Fond № 447. Delo № 67. L. 7-36. (in Russ.).
16. Etherton P.T. In the Heart of Asia. London: Constable and Company Ltd, 1925. 305 p.
17. The Guide to the Development of Western China. Beijing; Hong Kong: China Science and Technology Press, 1988. 760 p.
18. 包尔汉. 新疆五十年. 北京: 文史资料出版社, 1984年. 379页. Bao Er Han. Xin jiang wu shi nian. Bei jing: Wen shi zi liao chu ban she, 1984 nian. 379 ye (in China).
19. 金童. 新疆与苏俄贸易关系的现状 // 西北评论. 1934年. 第1卷. 第10——11期. 页7——17. Jin Tong. Xin jiang yu Su E mao yi guan xi de xian zhuang. Xi Bei ping lun. 1934 nian. Di 1 juan. Di 10——11 qi. Di 7——17 ye. (in China).
20. 慕宁. 苏联与新疆省的商业关系 // 新亚细亚. 1933年. 第6卷. 第5期. 页41——50. Mu Ning. Su lian yu Xin jiang sheng de shang ye guan xi. Xin Ya xi ya. 1933 nian. Di 6 juan. Di 5 qi. Di 41——50 ye. (in China).

Информация об авторе:

Клинов Анатолий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, кафедра зарубежного регионоведения и дипломатии, факультет истории, социологии и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
newlegend2010@yandex.ru

Получена: 13.01.2018

Для цитирования: Клинов А.С. К вопросу о событиях в Синьцзяне в начале 1930-х гг. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 1. с.124-137.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-124-137.

Information about the author:

Anatoly S. Klinov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Foreign Regions Researches and Diplomacy, Kuban State University, Krasnodar, Russia
Newlegend2010@yandex.ru

Received: 13.01.2018

For citation: Klinov A.S. To the question of the Xinjiang's events in the early 1930's.. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol . 10. no.1. Pp. 124-137.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-124-137. (in Russ)